

УДК 316.28

Ю.Н. Ермолович*магистр филол. наук, преподаватель-стажёр каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
КАК ВАРИАНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье рассматриваются процессы, происходящие в социокультурном пространстве разных регионов мира, отмечается их амбивалентность. С одной стороны, это глобализация культуры, порой переходящая в культурную экспансию и культурный империализм, чему способствует одностороннее функционирование информации. С другой стороны, это усиление этнической фрагментации, расцвет национализма, региональное возрождение, недоверие к любым формам межгосударственных союзов, что делает противостояние между глобальным и локальным характерной чертой современности. Отмечается, что, несмотря на взаимопроникновение культур, в последнее десятилетие в социокультурном пространстве разных регионов мира усиливаются именно процессы регионализации. Консенсус между гегемоническим проектом и проектом несоизмеримости культур возможен благодаря поиску общего как способу достижения целей, а также воплощению в жизнь субъект-субъектных отношений.

Введение

Современные взгляды на процессы, происходящие в сфере культуры в разных регионах мира, диаметрально разделились: отстаиваются противоположные точки зрения. С одной стороны – это *апологеты объединения и унификации мира* (впервые тезис о возникновении монокультурного мира сформулировал М. Маклюэн [1]) на основе единой экономически ориентированной культуры (З. Бжезинский [2], В.С. Егоров [3], М. Чешков [4]), глобализации культуры (М. Элброу [5], Р. Робертсон [6]). К этой группе можно отнести и приверженцев концепции диалога между различными социокультурными системами (Ю.В. Яковец [7], К.С. Гаджиев [8]), полагающих, что межкультурный и межцивилизационный диалог в условиях глобализации становится преобладающей тенденцией развития человечества. По их мнению, среди конфликтов и дезинтеграции, имевших место в истории человечества, моменты объединения и интеграции все активнее и зримее. Цивилизация мыслится непрерывной и всемирной, ее субъект – человечество в целом. Борьба против глобализации как объективной, императивной, необратимой исторической тенденции бессмысленна. Частные проявления глобализации могут варьироваться под воздействием субъективного человеческого фактора.

Другой полюс представляют *теоретики несоизмеримости несоединимости и перманентной враждебности различных культур* (С. Хантингтон [9], Г. Киссинджер [10], Ж.-Ф. Лиотар [11], Б. Ключников [12]). Современный культурологический и философский дискурс в вопросе об отношениях между культурами изобилует метафорами «вызов» [13; 14], «столкновение» [9], «раскол» [15], что не характеризует глобализационные процессы в культуре как нечто спокойное и объективно принимаемое. Исследователи едины в одном: если до XX в. любые новообразования более-менее гармонично вписывались в систему культуры и постепенно адаптировались к ней, то уже в XX в. наблюдается процесс адаптации самой культуры к тем изменениям, которые произошли с качественным преобразованием информационного пространства с его переходом на глобальный уровень. Сегодня получается, что «все культурные аспекты, делающие француза французом, итальянца – итальянцем, датчанина – датчанином, мексиканца – мексиканцем, должны быть разрушены, потому что это барьеры на пути к глобализованному рынку» [16, с. 190].

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Исходя из существования полярных взглядов на процессы, происходящие в социокультурном пространстве разных регионов мира, целью данной статьи является выявление тех факторов, посредством которых можно найти консенсус между гегемоническим проектом и проектом несоизмеримости культур. Задачи исследования: определение временных рамок, в которых происходили процессы глобализации и регионализации; выявление последствий этих билатеральных процессов; определение перспектив регионализации как новой формы глобальных трансформаций.

Для создания наиболее полной картины происходящих в мире социально-культурных трансформаций обратимся к теориям, которые развивались на протяжении трех последних десятилетий (переломным моментом считаем перестроечную эпоху в СССР). Теоретики глобализма с конца 1980-х гг. склонны были говорить о глобализации культуры, понимая под ней ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, формированием транснациональных корпораций и мирового рынка в условиях воздействия на людей средств массовой информации. К глобализации культуры близка концепция холотехно-демократии М. Бунге, в рамках которой он предлагает культурную демократию как дополнение к демократии политической и экономической в целях достижения «квалифицированного равенства» в общественном строе, пронизанном социотехнологией. Социотехнологии будут основываться на науке и рациональном правлении союза народа и экспертов.

С появлением способов быстрой связи и перемещения взаимодействие культур перешло на иной уровень. Если раньше влияние доминирующей культуры на культуру реципиента ограничивалось определенным локусом, то сегодня благодаря СМИ, спутниковой связи и средствам передвижения практически нет препятствий для пропаганды и распространения культурных идей и ценностей. С точки зрения М. Маклюэна, глобальность культуры поддерживается именно «электронным человеком» с его восприятием, мышлением, мировоззрением и психологией, адаптированными электронными средствами коммуникации. Глобализованная культура прежде всего характеризуется расширением территориальной среды существования, «жизнью в дороге», виртуальным пространством массмедиа, транснациональным и транскультурным. Она вынуждает пересмотреть представления о родной земле и родине.

Использование в сфере культуры современных информационно-коммуникативных технологий повышает интенсивный информационный обмен. В то же время превращение информации в товар приводит к тому, что товарные отношения неизбежно распространяются на сферу культуры: неравномерно распределяются в мире научные и культурные центры; вызывает вопрос качество потребляемой информации. Вместе с тем глобальное влияние современных информационно-коммуникативных технологий в основном наблюдается лишь на уровне специфических контекстов (например, международный валютный рынок), нежели на уровне общего культурного сознания.

Глобальное знание сосредоточивается у сравнительно узкого круга участников особых международных взаимодействий. Культура, претендующая на статус глобальной, ведет адаптивную деятельность, трансформируя локальные культуры.

В случае одностороннего движения информационных потоков какая-либо культура осуществляет экспансию в регионы с иными культурами. В древности это обеспечивалось путем этноязыковой или религиозной экспансии (эллинизация северо-восточной Африки, арабизация Испании и др.). В современном технологизированном мире к культурной экспансии (вестернизации, китаизации, исламизации) ведут перемещения не столько людей, сколько информации. Одностороннее функционирование информации сегодня приравнивается к культурному империализму, рассматривается как информационная агрессия, информационная или культурная экспансия, декультурация. Субъектом такого воздействия чаще всего называют именно западноевропейскую цивилизацию, включающую в себя Североатлантический регион. При данном типе межкультур-

ной коммуникации западная культура оценивается как универсальная, соответствующая принципу рациональной эффективной организации экономической деятельности и социальных отношений. Образ жизни и потребительские предпочтения, сложившиеся на Западе, распространяются на иные цивилизационные пространства путем одностороннего потока информации от «центра» к «полупериферии» и «периферии», а формирующаяся культурная элита, наиболее подверженная модным влияниям, способствует утверждению и закреплению в обществе прозападных ценностей и ориентаций.

Таким образом, апологеты унификации мира рассматривали глобализацию культуры как кумулятивный процесс, прямо пропорциональный техническим новшествам в индустрии транспортных, экономических и информационных коммуникаций. Подобная характеристика глобализации культуры отражает линейный подход к пониманию исторического процесса, игнорируя ценностную составляющую, которая способна существенно изменить характер межкультурных контактов. К тому же такая глобализация культуры может (с переходом количественных изменений в качественные) принять облик культурного империализма, который выражается в гегемонии развитых стран в различных сферах общественной жизни, в том числе и принудительном распространении западных ценностей.

Теоретики несоизмеримости различных культур полагают, что никакие меры не упразднят конфликтов разных регионов. В качестве главного конфликтогенного элемента многие рассматривают религиозный фактор. Подобные теории, с одной стороны, объясняют неизбежность военных конфликтов и столкновений (например, Запада и исламского мира), а с другой – делают излишними поиск компромиссов и понимания между ними, отрицают равные права различных культур на существование в будущем, в то время как основа неразрешимости многих конфликтов современности заключается в том, что «современной глобальной системой управляют лица с тоталитарным мышлением, которые не могут принять позицию даже самого крохотного государства, если она будет отличаться от их подавляющей идеологии» [17, с. 25].

М. Цорн отмечает, что процессы объединения, на которые обычно ссылаются идеологи и сторонники глобализации, пока охватывают не более 30% стран мира, а значит, не являются глобальными. «Хваленая глобализация лишь на одну треть реальна, а на две трети есть виртуальное изобретение ее адептов и идеологов» [18, с. 243].

Поскольку многие неевропейские культуры признают сверхиндивидуальные (прежде всего религиозные) ценности, не соотносимые с европейскими ценностями индивидуальных прав и свобод, то главные ценности Запада и Востока несовместимы. Вследствие этой несовместимости война культур и ценностей уже идет, этим в значительной степени объясняются кровавые конфликты, напряженность в отношениях индивидов, стран и даже континентов. Множество ценностных ориентаций, религиозных и полурелигиозных смысловых определений вызывает ненависть и презрение у сторонников фундаменталистских религиозных взглядов. Повсеместно возникает и активно проявляется в разных локусах мира религиозное, этническое, региональное «возрождение», что превращает противостояние между локальным и глобальным в характерную черту современности. Эти региональные «контрпроцессы» активизировались с 90-х гг. XX в., когда почти официальным курсом США было объявлено формирование нового мирового порядка после падения СССР как второго полюса. Одновременно с этим начинается возрождение ислама и развитие восточных государств, в первую очередь Китая и Индии. А «при соприкосновении западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайской напористости» [9, с. 532] могут возникнуть опасные столкновения.

Отметив беспрецедентное увеличение количества межкультурных контактов начиная со второй половины XX в. в связи с распространением средств передвижения и их доступной стоимостью, Э. Тоффлер указал на происходящие одновременно процессы локализации и национализации культур, что объяснил физической неприспособ-

ленностью человеческого организма к столь быстрым изменениям, каких требует интенсивно проходящая глобализация [19, с. 241]. В таком случае локализация является естественным и неизбежным ответом на вызов времени. Проявлением регионализации также является усиление «этнической фрагментации». Этнические группы претендуют не просто на сохранение своей культуры, на автономию, но и на отдельное существование от тех стран, с которыми они связаны тесными историческими, экономическими и культурными узами (шотландцы в Англии, каталонцы в Испании, абхазцы и осетины в Грузии). Национально-этническая рознь зачастую разжигается искусственно и перерастает в военные конфликты и длительные, чуть ли не перманентные войны с применением экстремистско-террористических методов (противостояние тутси и хуту в Руанде, русских и украинцев – в восточных областях Украины).

В ходе фрагментации противоречия и различия в каждой из стран накапливаются, в результате чего внутреннее единство в этих странах размывается, ослабляя национальные государства. Так, в ЕС в последнее время разногласия увеличиваются, грозя «сжатием» территории единой Европы. Например, летом 2011 г. на волне экономического кризиса и в целях противостояния ему итальянский городок в 500 жителей Филеттино объявил об автономии, создал свой народный банк и стал выпускать местную валюту – фьюрио, которая с сентября того же года стала ходить наравне с евро.

Оттеснение национального потреблением единых товаров и услуг и массовой культурой низкого уровня «питает противодействия того типа, которые З. Фрейд назвал “нарциссизмом малых культур”, обостряет так типичную для многих людей и даже стран вражду к иностранцам, недоверие к любым формам межгосударственных союзов» [21, с. 50–51]. Есть много сомнений и относительно того, являются ли унификация и интеграция, протекающие в современном обществе, признаками сближения людей (образа жизни людей). С распадом традиционных культур (субкультур) происходит разрыв поколений, ускоряющий триумфальное шествие антикультуры под прикрытием молодежной контркультуры, бунтующей против геронтократии современного общества в развитых странах мира. Выход локальных культур на общий, глобальный уровень сегодня сильно затруднен, как и «процесс становления глобальной солидарности граждан» [21, с. 295]. Мир выглядит очень раскрепощенным, но не дружественным. Даже в одной культуре существуют различные течения, субкультуры и контркультуры, которые доказывают несводимость всех культурных течений в одно русло. В связи с этим все более актуальным становится вопрос знакомства разных культур друг с другом. «Связь времен рвется, и чтобы общество не деградировало, культуру надо не просто внедрять – ей надо обучать» [22, с. 55–56]. Именно волевое стремление к унификации породило «трагически не единый мир», поскольку любая унификация – это упрощение и обеднение. Разнообразие же обеспечивает устойчивость системы и является законом социального баланса [23, с. 593].

Консенсус между данными поляризованными теориями, которые, с одной стороны, очерчивают гегемонический культурный монолит с несколькими сохранившимися очагами сопротивления, подлежащими устранению, а с другой – восемь-девять несоизмеримых и неизбежно конфликтующих культур, можно найти, обратившись к моделям, по-иному осмысливающим мир культуры будущего. К таким альтернативным моделям развития мирового взаимодействия культур, согласно У. Макбрайну, можно отнести идеальную речевую ситуацию Ю. Хабермаса (теория коммуникативного действия) и тезис К. Маркса о том, что «радикальная критика и подрыв и в теории, и на практике капиталистической системы являются необходимой предпосылкой будущего расцвета более человеческих обычаев и институтов в то время, когда экономические факторы более не будут господствовать в обществе» [24, с. 83].

На наш взгляд, идея Хабермаса, несмотря на свою идеализированность, обладает эвристичностью при условии формирования новой мировой этики, основанной на при-

нципах участия и бескорыстия. «О коммуникативных действиях можно говорить тогда, когда планы участвующих в них координируются посредством актов понимания друг друга, а не посредством эгоцентрической калькуляции успеха» [25, с. 73]. Теория коммуникативного действия, предложенная Хабермасом, может служить образцом для формирования реальных взаимодействий в современном глобализующемся мире. Субъект-субъектные отношения и интерсубъективный результат действия способны сохранить существование человеческого рода в условиях глобальных кризисов XXI в. Субъектом глобального межкультурного коммуникативного действия, согласно теории Юргана Хабермаса, способен стать лишь индивид (или коллективная идентичность), который идет на коммуникацию со своими ценностями и убеждениями, не используя при этом собеседников в своих целях.

Заключение

Подавляющее большинство культур и цивилизаций сегодня втянуты в процесс глобальных техногенных трансформаций. По уверениям идеологов глобализма в его нынешней форме, глобализация должна служить взаимодействию и обогащению национальных культур. На деле же национальное оттесняется потребительством единых товаров и услуг и массовой культурой низкого уровня. В условиях интенсификации глобализации эта опасность все возрастает. Для стабилизации системы и преодоления дисбаланса необходим выход из парадигмы гомогенизации (экономической и культурной), а диалог культур должен стать обязательным элементом взаимодействия цивилизаций.

Социокультурным трансформациям современности характерна гибридизация разных сфер общественной жизни. С одной стороны, наблюдается тенденция к нивелировке этнонациональных, религиозных и культурных границ, с другой – национальные, религиозные, культурные и иные меньшинства требуют большей автономии.

Открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение приводят, с одной стороны, к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъему ее на более высокую ступень развития, а с другой – к ее истощению за счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру. В развитии мировой культуры необходимо участие разных локальных цивилизаций, обладающих специфическими неповторимыми чертами. Таким образом, регионализация как форма глобальных трансформаций представляет локальным цивилизациям возможность развиваться в соответствии с имманентно присущими им чертами, что сохранит многообразие мировой культуры, а межкультурные коммуникации перестанут быть сугубо утилитарно-прагматичными и перейдут на уровень диалога по обмену опытом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн, Г. М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / Г. М. Маклюэн. – М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
2. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 2010. – 287 с.
3. Егоров, В. С. Философия открытого мира : учеб.-метод. пособие / В. С. Егоров. – М. : Моск. психол.-социальный ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2002. – 320 с.
4. Чешков, М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы / М. Чешков // Pro et contra. – Осень 1999. – С. 125–126.
5. Albrow, M. The Global Age: State and Society beyond Modernity / M. Albrow. – Stanford CA : Stanford University Press, 1997. – 246 p.
6. Robertson, R. Globality and Modernity / R. Robertson, M. Kathleen. – London, 2002.
7. Яковец, Ю. В. Диалог цивилизаций в контексте времени / Ю. В. Яковец // Диалог культур. Повестка дня. – М., 2005. – С. 11–22.

8. Гаджиев, К. С. Мировой экономической кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопр. филос. – 2010. – № 6. – С. 3–19.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
10. Kissinger, H. World Order / H. Kissinger. – New York : Penguin Press, 2014.
11. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетея, 1998. – 160 с.
12. Ключников, Б. Исламофобия / Б. Ключников // Наш современник. – 2011. – № 6. – С. 217–228.
13. Мальковская, И. А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира / И. А. Мальковская // СОЦИС. – 2005. – № 12. – С. 3–12.
14. Кизима, С. Вызовы национальным интересам и безопасности Беларуси и России в условиях глобализации / С. Кизима // Парламентское собрание Союза Беларуси и России : информ. бюллетень. – 2010. – № 1. – С. 22–24.
15. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2008. – 186 с.
16. Казинцев, А. Симулякр, или стекольное царство / А. Казинцев // Наш современник. – 2003. – № 12. – С. 183–199.
17. Дрвески, Б. Суверенитет народа Беларуси / Б. Дрвески // Проблемы управления. – 2014. – № 3. – С. 23–26.
18. Степанянец, М. Т. Поликультурность: глобальный и российский аспекты / М. Т. Степанянец // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов ; Ин-т философии. – М. : Наука, 2010. – С. 241–294.
19. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
20. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов ; Ин-т философии. – М. : Наука, 2010. – 437 с.
21. Русаков, А. Ю. Информационные коммуникации и социальные отношения : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / А. Ю. Русаков. – СПб., 2008 – 311 с.
22. Бестужев-Лада, И. В. Педагогический потенциал культурологии / И. В. Бестужев-Лада // Культура, культурология и образование (материалы «круглого стола») // Вопр. филос. – 1997. – № 2. – С. 3–56.
23. Бабосов, Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е. М. Бабосов, Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 728 с.
24. Макбрайн, У. Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайн // Вопр. филос. – 2003. – № 1. – С. 80–87.
25. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология : рефер. сборник / под ред. Н. П. Поляковой. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – Вып. 1. – С. 57–101.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.07.2015

Yarmalovich Y.N. Processes of Globalization and Regionalization as a Variant of Social and Cultural Transformation

The article examines the processes occurring in the socio-cultural environment of different regions of the world. Their ambivalence is highlighted. On the one hand, it is the globalization of culture, sometimes turning into a cultural expansion, and cultural imperialism, helped by a one-sided operation information. On the other hand, it is the increase of ethnic fragmentation, the heyday of nationalism, regional regeneration, distrust of all forms of inter-state alliances, making the confrontation between the global and the local characteristic of modernity. However, the interpenetration of cultures inevitably takes place. In the last decade in the socio-cultural environment in different regions of the world the regionalization increases. The consensus between the hegemonic projects and projects is possible by the incommensurability of cultures as a way to search for a common achievement of the objectives, as well as the realization of the subject-subject relations.